

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Официальный сайт

Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на XV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике

363-17-03-2007

Уважаемые коллеги, друзья,

Тема нынешней Ассамблеи представляется весьма важной и своевременной. Мир уже не тот, что был несколько лет назад. Многие вещи прояснились. И прояснилось главное – однополярный мир не состоялся, да и не мог состояться в силу недостаточности военно-политических, финансово-экономических и иных ресурсов для имперского строительства в условиях глобализации. Действительно, мифология «однополярного мира» определяла какое-то время направление умов и поведение значительной части государств. В этот миф поверили и вложились политически.

«Сокращение» гипертрофированной роли США в мировых делах, прояснение действительного значения российского фактора в глобальной политике, включая опыт 15 лет, служат достаточным основанием для серьезного анализа нынешнего этапа развития международных отношений.

Я внимательно ознакомился с тезисами доклада СВОП и считаю, что это – серьезная попытка осмысления новых международных реалий и выстраивания на этой основе рекомендаций по внешней политике страны. Есть, однако, вещи, с которыми не могу согласиться, включая чрезмерный алармизм и пессимизм.

Думаю, что само развитие событий, наша дипломатия последних лет, выступления Президента В.В.Путина по внешнеполитическим вопросам, и прежде всего его Мюнхенская речь, не оставляют сомнений в том, что у политического руководства страны есть продуманная и проверенная на практике стратегия в международных делах. Об этом свидетельствует и проведенный МИД России по поручению Президента Обзор внешней политики страны.

Главный вывод - сделанный в 2000 году выбор в пользу прагматизма, многовекторности и твердого, но неконфронтационного отстаивания национальных интересов во внешних делах себя оправдал. Допускаю, что тогда кому-то могло показаться, что Россия делает выбор в пользу умеренной политики и многосторонней дипломатии с позиции слабости. Но и окрепшая, уверенная в себе Россия не отказывается от этих основополагающих принципов своей внешней политики.

В основе нашего тогдашнего видения мира лежали здравый смысл и трезвая, заземленная оценка тенденций, определяющих современное мировое развитие. История, если можно назвать историей период в 6 - 7 лет, нас оправдала. Кстати, уже пишут краткие истории начала XXI века. Так, Т.Фридман в своей книге пришел к выводу о том, что мир стал «плоским», то есть глобализация, вышедшая за рамки западной цивилизации, не оставляет места для разного рода иерархических построений. Горизонтальные связи, определяющие существо современных международных отношений, как раз и подводят к необходимости сетевой дипломатии.

Сошлюсь также на известную фразу Р.Хааса о том, что «США не нужно согласие других держав, чтобы действовать, но им нужна их поддержка, чтобы добиться успеха». А раз так, то надо договариваться о том, что и как делать. Многим Мюнхен открыл глаза. Так, «Бостон

Глоб», анализируя выступление Президента В.В.Путина, писала: «Москва раньше Вашингтона осознала одну важную истину: в мире воцаряется «полиархия» – международная система с участием многочисленных и разнообразных игроков, чьи альянсы и ориентация меняются с калейдоскопической скоростью».

И тут никак не могу согласиться с тезисом о том, что реальная альтернатива «однополярному миру» – это «хаотизация» международных отношений вследствие некоего «вакуума» управляемости и безопасности. Думаю, что речь скорее идет о вакууме в сознании элит тех или иных государств. Поскольку, как можно было убедиться не раз, именно одностороннее, тем более силовое реагирование привело к нарастанию конфликтности в мировой политике, наслаиванию новых проблем на старые, что, собственно, и является механизмом расширения конфликтного пространства в мировой политике.

Могу понять, что по ту сторону Атлантики до сих пор не могут переступить через себя и произнести слово «многополярный». Не понимаю, почему надо рассматривать многополярность как заряженность на конфронтацию. Да, появляются новые центры силы. Они соперничают, в том числе за доступ к природным ресурсам. Так было всегда, и ничего фатального в этом нет.

Думаю, что складывающееся неформальное коллективное лидерство ведущих государств мира как раз и дает выход на решение проблемы управляемости в современном мире. Другое дело, что в данном случае исключается чье бы то ни было единоличное лидерство и претензии на истину, будь то США, Европейского союза или России.

Думаю, что парадигма современных международных отношений определяется именно конкуренцией в самом широком прочтении этого понятия, в том числе, когда ее предметом становятся ценностные ориентиры и модели развития. Все это отнюдь не равнозначно конфронтации. Новизна ситуации заключается в том, что Запад теряет монополию на процессы глобализации. Видимо, отсюда и попытки представить происходящее как угрозу Западу, его ценностям и образу жизни.

Россия против попыток цивилизационного раскола мира на так называемое «цивилизованное человечество» и всех остальных. Это – путь к глобальной катастрофе, который могут подсказывать только интеллектуальная инерция и предрассудки времен «холодной войны». Вот почему остро стоит вопрос о преодолении интеллектуального, психологического и иного наследия «холодной войны» в мировой политике сегодняшнего дня. Мы не дадим себя поссорить с исламским миром. Уверен, что выбор России и других ведущих государств, включая такие цивилизационно-образующие, как Индия и Китай, в пользу объединительной политики станет главным фактором того, что раскол мира по цивилизационному признаку не состоится.

Глобализация ставит перед человечеством подлинно экзистенциальные вопросы. Уже очевидна ограниченность природных ресурсов, в силу чего просто невозможно обеспечить потребление для всех на уровне промышленно развитых стран. Сошлюсь на авторитет Папы Римского Бенедикта XVI, который в своем выступлении в Католической академии Баварии в январе 2004 года говорил о необходимости самоограничения. Он также критически говорил о проявлении «западной гордыни», имея в виду претензии на универсальность «обеих великих культур Запада – культуры христианской веры и культуры светского рационализма». В современных условиях трудно не согласиться и с другим утверждением нынешнего главы Ватикана – о том, что «сегодня концепция прав человека должна быть дополнена учением об обязанностях человека и о его возможностях». Убежден, что на этих путях удалось бы восстановить общий нравственный знаменатель основных мировых религий. Без этого невозможно гармоничное развитие всего человечества.

Должен сказать, что в тезисах доклада СВОП гипертрофированно подается террористическая угроза, в том числе нашей стране. Этот вопрос трактуется крайне противоречиво. С одной стороны, преувеличиваются возможности формирования консолидированного исламского

фактора в мировой политике, с другой – говорится о глубоких противоречиях между исламскими государствами. Но главную ошибку вижу в том, что этот вопрос рассматривается в полном отрыве от необходимости решения реальных проблем, прежде всего на Ближнем Востоке, которые препятствуют реализации имеющегося в арабо-мусульманском мире потенциала ответа на вызовы модернизации. В целом здесь недооцениваются возможности политики по реальному урегулированию тех кризисов, которые являются питательной средой этого зла. Это – отказ от силовой политики, принятие мер, которые способствовали бы решению проблемы бедности в глобальном масштабе.

Опыт последних шести лет убедительно показывает, что любые попытки обойти реальность многополярного мира оборачиваются провалом. Какие бы примеры мы ни взяли: Ирак, Ливан, трудно сказать, чем все закончится в Сомали, вывод один – современные проблемы не имеют силовых решений. Попытки их решить с помощью силы лишь усугубляют ситуацию, загоняют ее в тупик. Ощущение дефицита безопасности также порождается застоєм в разоруженческой сфере, который обостряет угрозу расползания оружия массового уничтожения.

Думаю, навязывание миру гипертрофированного значения фактора силы – временное явление. Объективно роль силовой составляющей в мировой политике падает. Тут можно провести параллель с президентскими выборами 1992 года в США, когда не все поняли значение фактора экономики: «Все дело в экономике, глупый!» Сейчас – уже в глобальном масштабе – на первый план выходят вопросы обеспечения устойчивого экономического развития государств, включая удовлетворение энергетических потребностей. Именно возросшая экономическая взаимозависимость служит важным фактором поддержания международной стабильности. Его значение, кстати, тоже не нашло должного отражения в тезисах. Эти задачи не решаются ни применением силы, ни оккупацией, ни военным присутствием за рубежом.

В ставке на силу мы видим коренной порок политики наших партнеров. И делается это в ущерб факторам «мягкой силы», значение которых, наоборот, возрастает. Этот менталитет в свое время определила приписываемая Сталину фраза: «Сколько у Ватикана дивизий?». Теперь, когда мы обсуждаем Ирак, то в ответ зачастую слышим: «Готова ли Россия направить свои войска в Ирак?». Этот подход давит тяжелым грузом на внешнеполитическую стратегию Вашингтона.

Нужен отказ от попыток реидеологизации и ремилитаризации международных отношений, укрепление в них коллективных и правовых начал.

Одним из фундаментальных элементов нынешней реальности является то, что мир должен стать свободным, все государства – обрести возможность решать за себя, сообразуясь с собственным пониманием своих национальных интересов в новых условиях. Ни блоковая, ни идеологическая дисциплина уже не срабатывают автоматически, хотя налицо попытки заменить ее солидарностью одной цивилизации против всех остальных.

Это также интеллектуальная свобода – та «свобода слова», о которой мы говорим применительно к внутреннему развитию каждой страны. Любой зажим «инакомыслия», замечание имеющих разногласий «под ковер» несет негативные последствия для всего международного сообщества. Это также свобода проводить иррациональную политику. Но в современных условиях платить по ее счетам приходится всем.

Неопределенность относительно будущего мироустройства была во многом связана с ослаблением России в период после распада СССР. Создавалось впечатление, что Россию попросту списали как материал для нового территориально-политического передела мира – перспектива, с которой наша страна уже сталкивалась, например, в начале XVIII века. Тогда проблема была решена на путях ускоренной модернизации страны, что и составило главное содержание реформ Петра Великого. На нынешний вызов мы также отвечаем на путях радикальных политических и экономических реформ, которые, как и тогда, идут в русле европейского выбора, но с сохранением вековых традиций России. В итоге, Россия восстановила свою внешнеполитическую самостоятельность.

Во многом благодаря этому впервые за последние полтора десятка лет создается реальная конкурентная среда на рынке идей мироустройства, адекватного современному этапу мирового развития. Становление новых глобальных центров влияния и роста, более равномерное распределение ресурсов развития и контроля за природными богатствами закладывают материальную основу для многополярного миропорядка.

Совокупностью этих и иных факторов обусловлен наметившийся переход к новому этапу мирового развития. Объективной основой широкого международного сотрудничества остается противодействие вызовам и угрозам современности. Получает признание многосторонняя дипломатия – как действенный инструмент регулирования международных отношений на глобальном и региональном уровнях. Растет роль ООН, обладающей уникальной легитимностью. Так что не могу согласиться с недооценкой значения этой всемирной организации в тезисах СВОП. Сама жизнь побуждает всех, включая даже тех, кто отнюдь не готов воздавать должное ООН, работать в Организации, действовать через ее механизмы.

Конечно, объект пристального анализа – наша возросшая роль в энергетической геополитике. Во-первых, никто еще не доказал «энергетический шантаж». Во-вторых, тут есть скрытые подводные камни. Как бы от обратного нам пытаются навязать сомнительный статус «энергетической сверхдержавы», что только способствовало бы закреплению России в энерго-сырьевой нише международного разделения труда. Другое дело, что возможности, предоставляемые поступлениями от продажи энергоресурсов, и укрепление позиций наших сырьевых компаний в транснациональном предпринимательстве необходимо использовать для наращивания динамики нашей интеграции в глобальную экономику и перевода собственной на инновационный путь развития.

Казалось бы, известные разногласия с Украиной, Белоруссией и другими государствами СНГ должны были убедить Запад в том, что мы не вынашиваем никаких имперских замыслов, а строим нормальные, основанные на рыночных принципах отношения со своими соседями. Именно политизация экономических взаимоотношений могла служить основанием для подозрений в отношении России. Сейчас этого нет, но подозрения остаются, из чего можно заключить, что на пространстве СНГ разыгрываются геополитические «игры» с использованием такого инструмента, как «демократизаторство». Будем откровенны, главным мерилем уровня развития демократии на деле остается готовность идти в фарватере чужой внешней политики.

На пространстве СНГ в двусторонних и различных многосторонних форматах мы культивируем элементы объективной общности и взаимозависимости – экономической, культурно-цивилизационной и иной – между нашими странами. Не более того, но и не менее. В числе прочего это должно бы было довести до сознания наших западных партнеров, что бесперспективно пытаться удерживать Россию в региональной «скорлупе». В своем развитии мы из нее давно вышли. Будем надеяться, что все это будет способствовать выстраиванию здесь неполитизированных отношений с внешними факторами в целях стабилизации этого региона, отказу от тактики «беспокоящих действий» в отношении России.

Мы готовы участвовать в доведении до позитивного завершения проектов, начатых в одностороннем порядке. Прежде всего имею в виду Ирак, где положение еще можно спасти. Трудно спорить с тезисом Г.Киссинджера о том, что рано или поздно «Ирак придется вернуть международному сообществу», и что «другие страны должны быть готовы разделить ответственность за мир в регионе». Но разделение ответственности предполагает совместный поиск оптимальных решений.

Нам говорят, что ситуация в Ираке теперь наша «общая беда». Полностью согласен с этим. Нам всегда была чужда злобность, стремление воспользоваться чужой бедой. Но тут не обойтись без того, чтобы наши американские партнеры кардинально изменили свою иракскую стратегию, приведя ее в соответствие с преобладающим анализом как внутри страны, так и в других столицах. В этом русле идет многосторонняя встреча, состоявшаяся на днях в Багдаде.

Этот процесс необходимо использовать для выработки новой, коллективной стратегии в Ираке.

Реалистическая коррекция курса коалиции в Ираке помогла бы реализовать на практике объективную общность интересов Вашингтона и Тегерана, делающих ставку на одно и то же правительство в этой стране. Нет сомнений в том, что в Иране существует реальный политический процесс. Реализовать потенциал умеренных политических сил Ирана и влиять на поведение этой страны в нужном духе можно только через вовлечение.

При всей важности продолжения многосторонних усилий по поиску выхода из нынешней ситуации вокруг ядерной программы Ирана необходимо сознавать, что значительная часть проблемы, как и в случае с ЯПКП, связана с нежеланием США нормализовать свои двусторонние отношения с Тегераном на основе общепринятых принципов. США проявили гибкость и прагматизм в подходе к северокорейским делам – и результат не заставил себя ждать. То же требуется и в иранском вопросе. Выдумывать ничего не надо: мирное сосуществование решало такого рода проблемы в недавнем прошлом. Почему бы не жить и не давать жить другим?

В то же время важны последовательность и логика со стороны наших партнеров. Если под предлогом «иранской угрозы» у наших западных границ размещаются элементы национальной ПРО США, вводятся санкции против российских компаний, то зачем городить огород в Совете Безопасности ООН. Надеюсь, что американские партнеры над этим задумаются. Тем более, что нас призывают бороться с теоретической угрозой, а в это время создают реальную угрозу нашей безопасности.

Мы исповедуем комплексный подход к решению проблем евроатлантического региона. Речь могла бы идти о широком взаимодействии по всему спектру интересующих тем в трехстороннем формате – между Россией, Евросоюзом и США. Такое сотрудничество уже осуществляется на практике, будь то в Совете Безопасности ООН, в рамках «восьмерки», «квартета» международных посредников в ближневосточном урегулировании, в «шестерке» по ядерной программе Ирана. Что особенно важно, этот формат снимал бы ненужные взаимные подозрения в отношении того, что происходит между любыми двумя участниками этого «треугольника». Россия не собирается «вбивать клин» в трансатлантические отношения. Большого ущерба, чем иракские разногласия, им просто не нанести. Чего нам не хотелось бы, так это того, чтобы трансатлантическая связка укреплалась за наш счет.

Применительно к российско-американским отношениям нынешний рубежный этап в формировании глобальной архитектуры безопасности подводит нас к главной проблеме. Ее суть – определение модальностей нашего взаимодействия в международных делах, это тот самый *modus operandi*, без которого, теперь уже очевидно, у нас не получится никакого продвижения вперед. В этом значение того разговора, к которому пригласил всех наших партнеров Президент В.В.Путин в Мюнхене.

Россия не претендует на какие-то особые права в международных отношениях. У нас попросту нет оснований быть в роли ведомого. Полное равноправие, в том числе в анализе угроз и принятии решений, – это необходимый минимум.

Особенность внешней политики России заключается еще и в том, что, пожалуй, впервые в своей истории мы начинаем по полной отстаивать свои национальные интересы, используя все свои конкурентные преимущества.

В политологических кругах России и США говорят о неизбежной «паузе» в развитии наших двусторонних отношений ввиду электоральных циклов в двух странах. Думаю, это было бы плохим выбором. Хотелось бы, чтобы США не уходили в себя перед лицом иракской катастрофы, а участвовали в обновлении партнерства с Россией на основе равноправия и взаимной выгоды. Тогда, надеюсь, переход к «более единой и рациональной политике» произойдет достаточно скоро.

Хорошие возможности для позитивной эволюции российско-американских отношений

открываются в рамках совместной работы над воплощением в жизнь Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма, инициатив президентов России и США о безопасном развитии мировой ядерной энергетики и доступе всех заинтересованных государств к ее благам при соблюдении ими своих нераспространенческих обязательств. Еще одно доказательство нашей способности к компромиссам – подписание двустороннего протокола с США о присоединении России к ВТО. В центре нашего интенсивного диалога – борьба с терроризмом, нераспространение ОМУ, урегулирование региональных конфликтов и, разумеется, стратегическая стабильность. Там, где выйти на взаимоприемлемые решения не получается, неплохой вариант – «номинальное согласие». Не отказываем США в праве решать за себя, но это значит - действовать на свой страх и риск и за свой счет.

Выступая в Мюнхене, В.В.Путин не сказал пресловутого «нет». Негативистский подход в корне чужд нашей внешней политике. Мы продвигали и будем продвигать позитивную повестку дня международных отношений, конструктивные альтернативы в решении существующих проблем. Именно в этом основной пафос сказанного Президентом. Полностью согласен с председателем С.А.Карагановым в том, что «в Мюнхене В.В.Путин высказал горькую правду о настоящем и недавнем прошлом». Но мы не останавливаемся на этой констатации, предлагая реалистичные выходы из складывающейся ситуации, совместное решение проблем.

В наших отношениях с США нет никакой конфронтационной предопределенности. А значит, речь не идет и о какой-то новой «холодной войне», для которой нет никаких объективных оснований.

К сожалению, критика внешней политики США в тезисах СВОП граничит с неким фатализмом, предопределенностью мессианства в Америке. В то же время недооценивается прагматизм американцев, который в истории подводил их к стратегии иного рода во внешней политике. И тут я хотел бы сослаться на линию Ф.Д.Рузвельта в рамках антигитлеровской коалиции. То есть американцы тоже могут считаться с обстоятельствами, когда те диктуют выбор в пользу умеренной политики и образа действий в согласии с другими ведущими государствами мира.

Что касается антиамериканизма. Да, он опасен и интеллектуально ущербен. Но решать проблему надо

«у источника», имею в виду прежде всего нынешний образ действий США в международных делах. Глобализация не оставляет возможности для самоизоляции, хотя бы если учесть зависимость экономики США от внешних финансовых вливаний (порядка 1 трлн.долл. в год) и внешних источников энергоресурсов. В нашем отношении к США должен превалировать широкий, объективный взгляд на вещи. То, что администрация пошла на поводу у группы «неоконов» – не должно определять нашего фундаментального отношения к Америке.

Мы против «стратегических игр» в Европе, имеющих целью буквально на пустом месте создать конфронтационный потенциал и выстроить европейскую политику по принципу «свой-чужой». Реально к этому ведет реализация американских планов размещения элементов национальной ПРО в Европе. Мы не можем расценить это иначе, как провокацию в масштабах европейской и глобальной политики. Тем более, что этому одностороннему проекту имеются коллективные альтернативы в форме системы ПРО ТВД в Европе с участием НАТО и России. Именно коллективный подход снял бы эту проблему. Американская ПРО в Европе неприемлема – вот в чем вопрос. И он прямо скажется на наших отношениях с НАТО. Если альянс несостоятелен как организация коллективной безопасности и превращается в ширму для односторонних мер, наносящих ущерб нашей безопасности, то в чем тогда смысл наших с ним отношений? В чем тогда добавленная стоимость СРН? В любом случае новые ракеты в Европе – это déjà vu с вполне предсказуемыми последствиями образца начала 80-х годов.

Мы же видим сложности, переживаемые НАТО. Готовы помочь, например, в Афганистане, где альянс тоже проходит испытание на дееспособность. В успехе многосторонних усилий в этой стране у нас высокие ставки – речь идет об обеспечении интересов нашей безопасности в

критически важном регионе. Мы серьезно вложились в эту операцию на различных ее этапах, приняли непростые для себя решения. Поэтому вправе рассчитывать на позитивный результат. И если международное военное присутствие будет «председательствовать» при возвращении к власти талибов, это также будет иметь самые серьезные последствия для наших отношений с альянсом.

В принципе настораживает то, что унаследованные нами из прошлого структуры и инструменты – НАТО, ОБСЕ, ДОВСЕ и другие – в реальной жизни превращаются в средства воспроизводства блоковой политики в современных условиях. В их рамках идет, по сути дела, блоковая работа против России. Кому это надо? Уверен, долго это продолжаться не может. Существует реальная опасность того, что ситуация с не доведенной до конца реформой европейской архитектуры безопасности обретет собственную жизнь, предопределив реальный раскол Европы на десятилетия вперед. В этом проявляется рубежность нынешнего этапа европейской политики.

Наша внешняя политика полностью согласуется с нынешним этапом нашего внутреннего развития. На это указывает широкое согласие в обществе по основным внешнеполитическим вопросам. Его сохранению и укреплению, несомненно, будет способствовать созданное недавно Межпартийное совещание по внешней политике. Для мира мы хотим того же, что и для себя – эволюционного, без потрясений развития.

К России и ее внешней политике вошло в моду предъявлять завышенные и односторонние требования. Приходится слышать упреки в отсутствии идеологии, на что-де указывает наш внешнеполитический прагматизм. Но мы идем от жизни, не исключаем, что какая-то идеология вырастет из потребностей и практики реальной жизни. Пока же нас вполне устраивает идеология здравого смысла. Она служит прочной доктринальной основой нашей умеренной и неконфронтационной внешнеполитической стратегии, которая находит понимание у подавляющего большинства наших международных партнеров. Если говорить откровенно, то от нас хотят, чтобы мы отказались от самостоятельной роли в международных делах. Такие попытки будут продолжаться.

В заключение хотел бы сказать, что, действительно, Россия оказалась в благоприятном международном положении. Но оно, как мы все хорошо знаем, никогда не гарантировано в эволюционирующей международной ситуации. Сохранить и нарастить достигнутый позитив мы можем только посредством активной, инициативной вовлеченности в международные дела.

Не питаем никаких иллюзий относительно того, что трудно будет и дальше. Но убеждены, что кристаллизация многих вещей в глобальной политике уже состоялась. Во внешнеполитическом плане страна хорошо подготовлена к дальнейшим переменам.

17 марта 2007 года

 (http://www.mid.ru/BDOMP/Brp_4.nsf/arh/F3C5EDC2DADB268DC32572A10041ED8F?OpenDocument)

http://vk.com/share.php?url=http%3A%2F%2Fwww.mid.ru%2FBDOMP%2FBrp_4.nsf%2Farh%2FF3C5EDC2DADB268DC32572A10041ED8F%3FOpenE

0

Твитнуть < 0

Мне нравится

Регистрация, чтобы посмотреть, что нравится друзьям.